

УДК 821.111–3
ББК 84(7Сое)–44
3–34

Deeba Zargarpur
House Of Yesterday

Переводчик: Елена Токарева
Редактор: Диляра Абубакирова

Заргарпур, Диб.

3–34 Отражения нашего дома / Диб Заргарпур. — М.: Альпина
Паблишер, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-9614-9330-6

У пятнадцатилетней Сары сложный период: родители разошлись, бабушке диагностировали деменцию, а ссора с лучшим другом затянулась уже на полтора года. Только работа в семейном бизнесе по реставрации старых особняков помогает ей отвлечься от проблем.

Один из таких домов особенно привлекает внимание Сары. Она уверена, что это место связано с ее семьей, оно хранит какую-то мрачную тайну, но никто из близких не воспринимает ее подозрения всерьез. Сара находит первые зацепки, однако дом не спешит делиться секретами, все глубже затягивая ее во мрак. Сможет ли она распутать клубок загадок, не потеряв связь с реальностью?

УДК 821.111–3
ББК 84(7Сое)–44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© Deeba Zargarpur, 2022

This edition published by arrangement with Laura Dail Literary Agency,
Inc and Synopsis Literary Agency.

Иллюстрация на обложке © Annie Sebbfolk, 2024

© Издание на русском языке, перевод, оформление.

ООО «Альпина Паблишер», 2024

*Моей дорогой биби Дил-джан.
Я люблю тебя. И буду любить всегда*

Часть 1

Открытие

— Сара-джан, ты слышишь эту песню? Она у меня самая любимая. Ее пел мне отец. Давай покажу, как танцевать под нее. Руками двигаешь вот так. И не забывай улыбаться. Я так и не смогла забыть ту улыбку.

*Разговор с биби-джан.
Один месяц после диагноза*

Глава 1

Воспоминаний очень много.

Мне семь лет, я цепляюсь за края повязки, что щекочет глаза, а летнее солнце щедро льет на меня обещания прекрасных жарких дней.

Мне десять лет, и начинает казаться, что я слишком потопилась снять повязку.

Мне двенадцать, и я мечтаю о темноте.

Мне пятнадцать, и я не знаю, как опять включить свет.

Настоящее и прошлое переплелись так плотно, что не осталось ничего.

И все окончательно исчезло.

* * *

Странное дело. Есть вещи, которых люди не забывают никогда.

Возьмем, например, мою биби-джан.

Моя бабушка ни разу в жизни не выходила за порог, не подведя брови темной краской. И не приближалась к мужчине, не прикрыв гладким черным платком волосы и сдержанную улыбку. И не выпускала меня из дома, пока настрого

не накажет спрятать ноги, как подобает порядочной афганской девушке.

Я отпиваю глоток чаю из чашки, чтобы скрыть усмешку. Потому что это и впрямь забавно — с нами остаются лишь мелочи. А все важное ускользает сквозь трещины.

Ложка со стуком выпадает из пальцев биби-джан. На поношенной цветастой пижаме остаются крошки вареного яйца. Резким контрастом с ними сверкает ожерелье из золота с сапфирами на шее у бабушки. Я крепче сжимаю чашку. Сидя в кресле, биби наклоняется поднять ложку с пола. Ее суровое лицо, осунувшееся и при этом опухшее, оборачивается ко мне в десятый раз за утро. Взгляд, полный замешательства, скользит мимо меня.

— Ки асти? — спрашивает она.

«Кто ты?»

У меня сжимается горло, но я уверенно натягиваю сияющую улыбку — «все хорошо».

— Я Сара. — Стараюсь раскатисто произнести «р» и сделать «а» помягче. — Твоя внучка.

Но моя биби-джан качается на волнах, ища глазами шлюпку, которая доставит ее к берегу.

— Ки?

«Странное дело, — думаю я, снимая очки. — Мелочи, которые вроде бы совсем не важны». Я распускаю пучок на затылке и встряхиваю волосами. «И все-таки». Смахиваю жгучие слезы, опять улыбаюсь и всматриваюсь в ее расплывчатое лицо. Темные волосы аккуратно зачесаны назад и уло-

жены в небольшой пучок. Возле пробора видны белоснежные корни.

Под ее оценивающим взглядом стараюсь дышать ровно. Считаю уходящие секунды, перебирая пальцами бусины на своем потертом браслете. Считаю и вспоминаю.

Один, два, три...

Я едва вышла из младенческого возраста, и биби-джан в своей постели поет мне колыбельную.

Четыре, пять, шесть...

Я дошколенок, и биби-джан отгоняет меня от стола, накрытого к завтраку. Эта игра бесконечна: «Перед едой вымой лицо и руки, а то...»

Семь, восемь, девять...

Я пошла в школу, и умер баба-джан. На похоронах крепко сжимаю сухую, как бумага, бабушкину руку.

Десять, одиннадцать...

— Ах, моя Сара-джан... — Она склоняется ближе. Ее фарси звучит как песня, которую я никогда не забуду. Эта мелодия звучит в самых дальних закоулках сердца. — Такая красивая девочка с таким красивым именем...

— Лучшее имя на свете, правда, биби-джан?

Она смеется, соглашаясь, и моя улыбка становится искренней. Потому что из сорока одного внука, двадцати девяти правнуков и трех праправнуков только меня назвали бабушкиным именем.

Я хочу увидеть, как лучится ее улыбка, как она сияет не на губах, а в морщинистых уголках глаз. Жду еще немного, а потом опять надеваю очки. На всякий случай.

— Эрик, не забудь проверить контейнеры для мусора. Они должны быть готовы к понедельнику. — Из коридора появляется моя мадар. В вихре духов и свежего маникюра. Разговаривая с невероятной скоростью, пролетает мимо кресла биби в кухню. Мимоходом бросает улыбку в сторону биби, за рекордное время осушает кружку кофе и ставит ее в раковину.

Каждое утро рядом с Наргиз Амани проходит непредсказуемо.словно при игре в кости. Никогда не знаешь, какая грань выпадет.

Я торопливо проглатываю чай, надеясь, что сегодняшнее настроение будет «Сара, давай забудем про рабо...»

— Идем, — шепчет мне мама одними губами.

Я картинно вздыхаю. Госпожа Удача опять прошла мимо меня.

— Ки асти? — Биби-джан смотрит на маму, и ложечка в ее руках опять застывает в воздухе. Но в эти дни голос биби подобен шепоту, как будто в глубине души она понимает, что от величественной женщины, какой она была всегда, осталась лишь бледная тень.

Мадар ее не слышит.

— Прекрасно. Я заеду позже обсудить кое-что еще, — говорит мадар в телефон. — До скорого.

Щелк.

Биби-джан зачерпывает еще немного яйца всмятку и проносит сантиметров на семь мимо рта. Ложка падает чуть ли не мне на ноги.

— Кто она? — Биби прищуривается и барабанит пальцами по губам, словно ответ вертится на кончике языка.

Я указываю на мадар и склоняюсь к единственному здоровому уху бабушки, почти касаясь его губами. Будь это пару лет назад, биби пошутила бы: «Я еще слишком молода для слуховых аппаратов».

— Твоя дочь.

Биби-джан все так же внимательно смотрит и качает головой. А всего через мгновение опять откидывается на спинку кресла и погружается в океан своих мыслей.

— Сара, нам сегодня нужно посмотреть много домов. — Мадар целует биби-джан в макушку и выбегает из кухни к машине. Раздается звонок по блютусу. Мысли мадар улетели далеко-далеко.

Хочется сказать ей: «У меня все хорошо, спасибо, что спросила».

Хочется, чтобы она заметила и поинтересовалась: «Биби-джан сегодня причесалась сама?»

Но у меня не хватает смелости.

Вместо этого я оставляю свое вареное яйцо нетронутым, обнимаю бабушку, забегаю в свою комнату, хватаю фотоаппарат, выскакиваю. Дверь захлопывается, и я горько хмурюсь, слыша прощальные слова бабушки. Они превращают меня из любимой внучки в пустое место.

— Ки асти?

* * *

Ровно год назад мы с мадар заключили договор. Стояло лето, я переходила из средней школы в старшую, жизнь постепенно

возвращалась в норму после вируса, отправившего полмира в локдаун. За несколько месяцев социального дистанцирования я набрала лишний вес на жареной картошке и «спрайте», запоем пересмотрела все серии «Код Гиас», «Хайкю!», «Инуяся» и «Токийского гуля». Мадар была убеждена, что я умру от передозировки нездоровой пищи и недостатка витамина D, что, признаю, было бы весьма реальным исходом.

Ее афганская натура была потрясена полным отсутствием у меня амбиций, поэтому, когда локдаун закончился, она взяла на себя обязанность, так сказать, разжечь пламя и назначила меня главной по соцсетям и технической поддержке нашего семейного бизнеса. Его суть в том, что мы покупаем старые дома, ремонтируем и перепродаем.

На самом деле я была восхваляемым и (ключевое слово) бесплатным фотографом.

Мадар называла это инвестицией в мое будущее через воспитание интереса к сохранению семейного бизнеса.

Я же считала, что мы наживаемся на несчастье других людей, но эту дискуссию лучше отложить до другого раза.

Я пролистываю снимки в своей камере, удаляю некоторые, чтобы освободить место. Накопилось чересчур много селфи и неудачных танцевальных номеров, их суть я лучше не буду объяснять. Щелк. Удалить. Я грызу ногти, и мадар возмущенно закатывает глаза. Останавливаюсь, дойдя до сделанного скрытой камерой симпатичного снимка — биби-джан прибирается в своей комнате. Глядя на него, улыбаюсь.

Наша машина, петляя, мчится по скрытым в зелени изви-
листым дорогам восточного Лонг-Айленда, который моя ма-
ма и ее семья — все десять сестер и один брат — вот уже со-
рок лет называют своим домом. Когда они переехали, маме
было всего тринадцать.

Иногда я спрашиваю у мадар, каково это — сорваться с ме-
ста и начать с нуля в чужой стране.

Иногда мне тоже хочется проделать это.

Убежать и начать заново где-нибудь еще.

«Мы убегали от войны, джан», — обычно напоминает она
мне.

В машину врывается ветер, и я ловлю себя на мысли: «Я то-
же убегая от войны».

— Закрой, пожалуйста, окно. Шум мешает. — Мадар резко
поворачивает влево, и моя камера едва не вылетает из рук.
Навигатор заново прокладывает маршрут. — Он велел мне по-
вернуть буквально вот здесь. — Мама возится с ним и на пару
секунд заезжает не на ту полосу. Встречная машина сигналист.

— Если не возражаешь, я бы хотела переварить свой за-
втрак в более спокойных условиях. — Камера падает между
моими потрепанными кроссовками. Оставляю окно открытым.
Вообще-то я не склонна к бунтарству, но, боюсь, меня вывер-
нет, если еще хоть секунду буду без свежего воздуха терпеть
мамину манеру вождения.

Но вскоре мадар забывает об окне: мы останавливаемся
возле полуразрушенного дома. Дважды моргаю. Это место
мне незнакомо.

— Кто оставил после смерти такое запустение? — хмурюсь я. — Это даже не в Сентерпорте. — Замечаю вывеску. На ней написано: «Самнер-Корт».

— Сделали небольшой крюк. Мы его купили всего несколько дней назад. — Мадар заглушает мотор. — Давай зайдем, посмотрим, с чем предстоит работать.

Я вжимаюсь в сиденье. Терпеть не могу фотографировать дома в первый день.

— А там не опасно? — Я отстегиваю ремень и выхожу из машины. Подношу камеру к глазам и быстро делаю три снимка. Дорожка, двор, фасад дома. Как профессионал, скажу без ложной скромности.

— Конечно, не опасно. — Мадар отправляет короткое сообщение и радостно потирает руки. — У нас на этот дом большие надежды. Если починим его быстро, это нам здорово поможет. Пойдем.

В трещинах асфальта пыльным цветом пестрят одуванчики и другие сорняки. На некогда белых рамах заколоченных окон облупливается краска. Над входом изгибаются высокие арки, фундамент тонет в буйно разросшихся кустах и лозах. В свои лучшие времена дом, наверное, был красив.

Мне становится интересно, что случилось с прошлыми владельцами. Почему они потеряли этот дом?

За частично заколоченными окнами второго этажа мне чудятся тяжелые взгляды. Ржавые чугунные ворота открываются со скрипом, и у меня по ногам бегут мурашки. Поднимаю глаза — никого нет, но ощущение чужих глаз не отпускает.

— Знаешь, именно так начинаются все фильмы ужасов на «Нетфликсе». — Я покачиваюсь на пятках и решаю подождать в машине. — Может, я лучше... — Ладонь лежит на ручке двери, надо лишь... Машина гудит. Заперта. — Не лучше.

— Не будь младенцем, — бросает мадар и спешит по извилистой дорожке к парадной двери.

По дорожке я осторожно приближаюсь к шаткой веранде, и на меня падает тень. Дом очень большой, еще немного — и мог бы считаться особняком. С подъезда осыпается серая краска, на пути к парадной двери приходится перепрыгивать через прогнившие доски.

Пальцы касаются ржавого дверного звонка, и в этот миг через приоткрытую дверь в широкий вестибюль врывается узкий луч света. На мраморном полу расцветают радуги. Луч бежит вверх по лестнице к частично открытому второму этажу. Между щелястыми перилами и одинокой люстрой, покачивающейся высоко вверх, лениво парят серебристые паутинки.

«Держись подальше, — предостерегает одинокий голос, знакомый, но чужой. — Пока тебя не заманили в силки». Я застываю, еще не переступив порог. Что это было?

— Где ты там застряла? — звенит откуда-то издалека голос мадар. — Ого! Смотри, какая тут терраса! Приведем в порядок — будет очень красиво.

— Гм. Что за история у этого дома?

— Заброшен, — откликается она. — Поторапливайся, нам сегодня еще три дома надо посмотреть.

Час от часу не легче.

— Что случилось с владельцами?

Мадар не отвечает. Она уже куда-то ушла. «Я справлюсь. Справлюсь». Собираю нервы в кулак и, сосчитав до трех, вхожу в дом.

Можете обвинить меня в суеверности, можете обозвать душой, но я верю, что в этих старинных домах сохранилась история. Чувствую ее, когда слышу эхо своих шагов по истертому кафелю, когда пальцы скользят по стенам, овеванным чьей-то любовью, когда вхожу в зал со сводчатым потолком и камином. Это началось десять лет назад, когда родители только начали покупать и продавать дома. Я была совсем маленькой и от скуки бродила по ветхим коридорам, придумывала лица и истории, заполняя пробелы в объяснениях банковских агентов по недвижимости.

Мы с родителями даже придумали игру. «Расскажи, что ты чувствуешь», — со смехом спрашивал падар, пока мадар обмеряла комнаты, составляя планы и думая, как воплотить в жизнь их совместные надежды и мечты. Но все изменилось полтора года назад, когда падар съехал от нас, оставив эти планы медленно гаснуть в небытии. Так что теперь я лишь фантазирую.

— Расскажи, что ты чувствуешь, — бормочу я роскошной пыльной комнате.

Наваливается тяжесть, словно здесь зависла... чья-то меланхолия. Я умолкаю. И снова чувствую пристальные взгляды. Под ногами скрипит деревянная половица, и воцаряется

тишина. «Возьми себя в руки, ты это проделывала уже тысячу раз». Сглатываю подступивший к горлу комок и продолжаю делать снимки.

Мадар считает, что составление фотоподборок до и после ремонта привьет мне интерес к семейному делу. На самом деле, мне кажется, что мое присутствие на рабочих площадках помогает ей заполнить душевную пустоту, появившуюся после ухода папара.

Я иду дальше обследовать дом. Доски на больших окнах наполняют тьмой открытое пространство гостиной. Дальше — пустая кухня, где плита и холодильник выворочены с корнем. Отсюда наружу ведут застекленные двери, и я вижу, как мама осторожно ступает по огромной террасе, на каждом шагу пробуя скрипучие доски.

Воздух сгущается, ложится тяжелым грузом, не давая дышать.

История ощутима...

Громкий треск и мамины крики.

— Мадар! — Я срываюсь с места и выскакиваю из дверей на террасу.

Доски все-таки не выдержали, и она провалилась левой ногой. Хватаю мадар за руки и тяну. Ее джинсы порвались, лодыжка оцарапана до крови.

— Зачем ты сюда вышла? Эта конструкция могла давным-давно обвалиться!

Мы пробираемся обратно в дом, и мадар прислоняется к кухонному острову. Хмурясь, откидывает волосы с лица.

— Только этого не хватало, — бормочет она, закатывая штанину и осматривая рану. — Ладно, не так уж плохо. Всего лишь царапина. — Пожимает плечами. У нее звонит телефон, и она как ни в чем не бывало прижимает трубку к уху. — Эрик, погоди секунду. — Переводит взгляд на меня. — Пойди посмотри, нет ли тут чем забинтовать. Промою в раковине.

Я с отвисшей челюстью смотрю, как мама легко и непринужденно промывает рану. Она что, не боится ни ржавчины, ни бактерий? Мало ли что могло завестись в этих трубах.

— Я бы на твоём месте не рискнула промывать этой водой. — Но, наткнувшись на пылающий мамин взгляд, пячусь и удаляюсь по коридору в барный закуток. Открываю шкафы и чуть не вскрикиваю: оттуда вываливаются и разбегаются по полу тараканы. Какая гадость.

— Если не хочешь подцепить инфекцию, надо ехать в магазин.

Страхиваю с ботинка мелкого таракана. Хоть сейчас готова вернуться в машину и уехать подальше из этого кошмарного дома.

Слышу тихие шаги, за ними — робкие трепещущие раскаты барабана.

— Эй!

Звук доносится из-за спины, ведет меня по коридору в затемненное крыло дома. Барабанный ритм продолжается.

— Есть тут кто?

Ответа нет. По рукам бегут мурашки.

— Знаете ли, проникновение в чужой дом считается уголовным преступлением! — кричу я в темноту. Сворачиваю в коридор, изогнутый буквой Г.

Ответа по-прежнему нет.

Заглядываю в первую комнату налево — ванная. Пусто. Щелк. Снято.

За углом еще одна комната, в ней узкая кровать, вся в пятнах. На полу разбросана старая одежда. Никого нет.

За спиной эхом раздается смех.

Я резко оборачиваюсь.

— Это частная собственность.

Мой голос дрожит. Коридор опять изгибается и растворяется в кромешной темноте. Барабаны звучат громче.

Ноги подкашиваются. Оглядываюсь туда, где свет, где мадар все еще говорит по телефону. Метнуться бы к ней со всех ног.

«Свет сердца моего, танцуй», — снова и снова поет голос, который я уже слышала. Рокот барабана трепещет в воздухе, легким звоном вступает другой инструмент. Меня тянет в темноту, ноги сами собой идут в ту сторону, и вот уже нет ничего, только я, мое бешено бьющееся сердце да гул барабана.

Я настраиваю вспышку и автотаймер своей фотокамеры. Щелк. Снято. Взрыв света. С потолка густым тошнотворным облаком сыплется пыль, я вскрикиваю, но не из-за этого. Отскакиваю, спотыкаюсь обо что-то на полу, тяжело падаю. Камера куда-то улетает.

Щелк. Вспышка.

Гул барабана нарастает.

Голос продолжает петь.

Свет камеры выхватывает одинокую фигурку, стремительно кружащуюся в танце. Женщина. Волосы темные, выющиеся. Подол шитого бисером сине-золотого платья хлещет по бедрам. Шею сжимает толстая золотая цепочка, униженная сапфирами.

Я визжу как резаная. Женщина останавливается, спрятав лицо за темными руками. Барабан еще сильнее ускоряется, и я осознаю, что стучит не барабан — это бешено колотится мое сердце, сковывая горло, не давая дышать.

И медленно, очень медленно фигура поворачивает голову, ведет рукой, и я в бессильном крике гляжу в призрачное молодое лицо, знакомое мне лишь по старым фотографиям.

Моя биби.

Глава 2

— Что случилось?

В комнату врывается мадар. В тот же миг женщина исчезает.

— Т-т-там была женщина. — Я дрожащей рукой показываю в угол, глядя немигающими глазами в пустоту вокруг нас.

— Сара, никого тут нет. — Мадар, прищурившись, обводит взглядом темную комнату. — Только пыль да клопы. — Смотрит на меня, и ее лицо смягчается. Я не двигаюсь с места, и она склоняется ко мне, от нее веет теплом. — Ты просто испугалась. — Гладит меня по щеке, мокрой от пота, осторожно помогает встать с пола.

Я понимаю, что это было.

— Она танцевала, — шепчу я и пытаюсь вырвать локоть из маминых пальцев. — Она... — «Она похожа на биби».

— Иногда старые дома могут сыграть с нами странную шутку, — говорит мадар. — На самом деле ничего особенного в этом нет.

— Тут кто-то был. — Я отдергиваю руку. — Я не малышка. И понимаю, что это было.

Мадар, не слушая, отряхивает пыль с моей спины, но ее ястребиный взгляд устремлен туда, где танцевала женщина.

На миг кажется, что она мне верит. Она глубоко втягивает воздух, щиплет себя за переносицу.

— Понимаю, сейчас все идет... не так, как надо, но, если ты хочешь привлечь мое внимание, не обязательно выдумывать сказки. — Она неуверенно умолкает. — Учитывая, что происходит у нас с твоим отцом...

— Не нуждаюсь я во внимании. — Я надеваю на лицо привычную сердитую маску и пролистываю снимки на камере. Где-то там должно быть доказательство.

Но ничего нет. Только пустота.

— Ну ладно. Мне надо на воздух.

Я бреду по коридору, через парадные двери выхожу в духоту, на солнечный свет. Дергаю дверь машины, но она заперта. Ну конечно. Теперь я как дура буду поджариваться под июньским солнышком.

Что знает мадар о моих чувствах? Или тем более о том, что мне нужно, а что нет? Я уже много лет не нуждаюсь в ее внимании.

С тех пор как падар забрал свою долю из семейного бизнеса и ушел.

С тех пор как мадар отстранилась, оставив меня одну разбирать последствия их войны.

Из дома появляется мадар — легкая дымка хайлайтера на загорелой коже. Торопливым взмахом руки прикрывает глаза. Надевает солнечные очки.

Машина отпирается.

Не дожидаясь, пока она скажет мне что-нибудь еще, я плюхаюсь на сиденье. Мадар усаживается в свое кресло. Ее почти

беззвучные всхлипы тонут в гуле мотора. Я закрываю глаза и делаю вид, будто не слышу.

Машина задним ходом отъезжает.

— Сара? — Мамин голос не громче шепота. Между нами повисла гнетущая тишина.

Но я не могу.

Отказываюсь об этом говорить.

Притворяюсь, будто сплю. Мадар ведет машину в молчании. Но краем глаза замечаю, как что-то блеснуло.

У моих ног, зацепившись за ремень камеры, лежит оторванная полоска сине-золотой вышивки.

* * *

З-з-з. З-з-з.

Я лежу на кровати, на своих рассыпавшихся спутанных волосах. Снова перебираю фотографии, игнорируя уведомления с телефона. Картинки пролетают одна за другой — передний фасад, пустая гостиная, кухня, коридор. И вот он, последний снимок. Темная комната, еле освещенная вспышкой, и больше ничего. Лишь офисная мебель в паутине да затененная стена.

Никакой женщины.

Но тем не менее у меня в руке обрывок ее платья.

Я раздраженно отшвыриваю камеру и рассматриваю ткань. Красивая, рисунком похожа на афганское платье, которое мама сшила мне несколько лет назад, когда я танцевала аттан на свадьбе двоюродной сестры. Сжимаю нитки в кулаке. Странное чувство не отпускает. Не смогу уснуть, пока не разберусь, кто

эта женщина. Неожиданно для себя иду на цыпочках в комнату биби-джан. Телефон в кармане светится и жужжит. Застываю на месте.

Сквозь щели в шторах пробиваются тонкие ниточки лунного света. Биби-джан в постели, лежит неподвижно на спине, укрытая до подбородка цветастым одеялом. На другой кровати тихо посапывает Ирина, бабушкина сиделка.

Я смотрю, как вздымается и опускается грудь биби, и прокрадываюсь к ее кладовке.

Точнее, кладовка перешла к ней лишь с недавних пор. Когда-то в этой комнате жили мадар и падар. Потом падар съехал, сюда переселилась биби-джан. Что есть, то есть.

Включив фонарик на телефоне, я копаюсь в ее коробках, полных всякого барахла, и нахожу то, что искала.

Альбомы с фотографиями.

Здесь что-нибудь должно быть. В голове снова и снова всплывает образ женщины, кружащейся в танце. В ней есть что-то очень знакомое. Где-то я уже это видела. Точно знаю. Нахожу альбомы, датированные 1980 годом — примерно в то время моя семья переехала на Лонг-Айленд. Сколько лет было тогда биби? Хмурю лоб. Надо же... не знаю точно.

В тесной комнате тянет холодным сквозняком, раздается тихий стук. Оборачиваюсь, в глубине души ожидая увидеть в складках бабушкиных плиссированных рубашек глаза той призрачной женщины.

«Хватит дурить. Привидений не бывает. А биби жива и невредима». Твердя себе это, разглаживаю пальцами мятые

листы фотобумаги. Листаю пожелтевшие страницы, разглядываю блеклые фотографии тех времен, когда мои родные были еще молоды.

Вот девочка — кажется, мадар — в сине-белом слитном купальнике стоит у общественного бассейна, и рядом с ней еще две девочки, более смуглые, — ее самые младшие сестры. На другом снимке баба-джан, мой дедушка, задумчиво смотрит в камеру за праздничным столом. Его редующие седые волосы зачесаны набок, правая рука приподнята, словно он хочет что-то сказать.

Снова переворачиваю страницу, и на меня обрушивается лавина снимков из большого универмага. Мадар и мой дядя широко улыбаются на фоне кассовых аппаратов.

Таких фотографий десятки. Длинные ряды ярких консервов в банках заполнили страницы, брат с сестрой толкаются, опрокидывая все на пол. На заднем плане злится баба-джан. Голубые тени для век, жутко зачесанные волосы, столь же пышные бальные платья ярких цветов — голубые, фиолетовые, нежно-зеленые. Мадар с довольной усмешкой во все лицо красиво опирается на желтый кабриолет.

Не знаю почему, глаза наполняются слезами. Такой была жизнь в незапамятные времена — до того, как мадар повзрослела, до меня, до сегодняшних невзгод. Я задерживаю взгляд на смеющемся мамином лице. В ней светится юношеская легкость, какой я еще ни разу не видела.

В те времена — до меня, до падара — мама была счастлива.

Понимаю, что не должна думать об этом, но, сидя здесь, в одиночестве, в темноте, не могу не задаться вопросом: сможет ли мама снова стать счастливой девчонкой с этих фотографий? После падара. После меня.

Дверь кладовки со скрипом приоткрывается, я испуганно подскакиваю. Фотоальбом со стуком падает на ковер. За ним, как домино, шатаются и падают другие альбомы.

Свет в кладовке мигает.

На пороге стоит биби-джан. Ее слезящиеся глаза оглядывают меня с головы до ног. От спутанных волос к очкам, съехавшим набок, к рукам, которыми я тщетно пытаюсь прикрыть ее вещи, бесстыдно сброшенные мною на пол.

Ее взгляд останавливается на оброненной полоске блестящей ткани.

Она медленно опускается на колени и садится рядом со мной. Я поспешно навожу порядок.

— Прости, биби-джан, — лепечу я и одновременно с ней тянусь к оторванной ленточке.

Наши руки соприкасаются, и на долю секунды время замирает. Моя рука вспыхивает, будто пламенем, только огонь этот холодный, как если подставить замерзшие пальцы под теплую воду. Мы затаиваем дыхание. Биби-джан не шевелится. Не моргает.

Я отдергиваю руку и прижимаю к груди. Что это было?

Хочу спросить биби, ощутила ли она то же самое, но не успеваю. Происходит нечто очень странное. Она осторожно берет ленточку в руки и улыбается мне.

Настоящей, абсолютно разумной улыбкой.

— Это я? — спрашивает она на своем певучем фарси.

Ее рука дрожит, но она тянется и берет альбом в обе руки. Ее лицо озаряется светом, и она говорит — ровно и уверенно, впервые за долгое время, даже не помню насколько. У меня язык прилипает к гортани.

— У нас был огромный магазин, такой же, как у моего отца. — Она прищуривается и смотрит на меня. — Абдулазиз. Так его звали.

Мне столько всего хочется сказать ей. «Я этого никогда не знала», и «Как я рада, что ты мне рассказываешь», и «Разве ты это помнишь?» Но вместо этого я лишь судорожно сглатываю. Киваю. И говорю:

— Балле, биби-джан.

«Да, дорогая моя бабушка».

Она вздыхает. Пальцы замирают на снимке, где они с бабаджаном позируют рядом с парадной вывеской на открытии магазина «Свежий старт». На биби-джан красивый брючный костюм с широкими подплечниками и обувь на низком каблуке.

— Знаешь, Сара-джан, у меня двенадцать детей.

Я хмурю лоб.

— Двенадцать? Ты, наверное, хочешь сказать «одиннадцать», биби-джан. Десять девочек и...

— Один мальчик и одиннадцать девочек. — Она начинает перечислять, загибая пальцы. — Фарзана, Фироза, Гульнур, Афсун... — Она колеблется. — М-малюда... Фироза. — Между

бровями пролегает тоненькая морщинка, биби-джан смотрит на свои дрожащие пальцы и начинает заново: — Фарзана, Фи-роза, Гу...

Я беру ее руки в свои и крепко держу. На собственных пальцах заканчиваю то, чего не смогла она, и мы перечисляем вместе:

— Зелайха, Зенат, Наргиз, Моджган и Назанин.

Десять дочерей. Всех упомянули. Мне бы хотелось растянуть для нее этот миг, чтобы он остался в ее сердце, как навсегда останется в моем. Жаль, это не так-то просто.

Биби кладет мне голову на плечо, мы сидим в молчании. Ее озаренное лицо тускнеет. Глаза окутываются знакомой мутной пеленой, и она спрашивает:

— Что я здесь делаю? Что тут за беспорядок?

— Биби-джан, давай-ка уложим тебя обратно в постель.

Я помогаю ей встать, смотрю на ее пустые руки. Она, пошатываясь, бредет к кровати. Ирина все так же похрапывает. Я встаю на четвереньки и собираю рассыпанные альбомы. Ищу сине-золотую полоску. Ее нигде не видно. Может быть, биби сунула ее в карман, а я не заметила?

Откладываю последний альбом, и оттуда выпадает снимок. Сильно помятый, сложенный в несколько раз — обычно бабушка так не делает.

Разворачиваю и, ахнув, отшатываюсь. Снимок падает лицом вверх.

На нем та женщина в доме.

В том же самом платье и ожерелье.